

УДК 82.0

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.11

Научная статья

Ян Минтянь¹

✉ shangwaie@163.com

¹Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика

Концепция личности Пришвина и его правдивая сказка. На материалах дневников М. Пришвина

Аннотация: Концепция личности Пришвина – важный аспект его мировоззрения, который не был систематизирован до настоящего времени и игнорируется исследователями в Китае. В данной статье концепция личности Пришвина иллюстрирована на результатах мотивного и концептуального анализа «личность» в его дневниках. Пришвин устанавливал ценность только личного. Его понимание близко к христианству. По его мнению, собственность есть следствие материализации личности. Цельность – это условие появления личности. Его сочинения являются попыткой определить самому себе как личности в истории. В произведениях Пришвина была одна и та же тема борьбы личности за право своего существования, существо личности есть смысл жизни, и без этого смысла невозможно общество. Пришвин был представителем начала личного, не допуская подмены всей души частностью, он был реалистом, а не натуралистом в своем творчестве. Христианский подтекст творчества Пришвина и его попытку выражения в сказке не следует игнорировать. Главная идея концепции личности Пришвина – это так называемый персонализм в философском смысле, только это персонализм в несистематизированной разработке и образом, конкретном толковании Пришвина в России по своему опыту жизни и творчества. Экзистенциально-персоналистское направление трактовки Я Пришвина отличается своим любовным отношением к Тебе (Другому) в их диалоге от философии постмодерна. Концепция личности Пришвина и ее средство выражения логично связаны между собой.

Ключевые слова: М. Пришвин, личность, любовное внимание, очерк, сказка.

Дата поступления статьи: 27 февраля 2023 г.

Для цитирования: Ян Минтянь (2023) Концепция личности Пришвина и его правдивая сказка. На материалах дневников М. Пришвина. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 2, с. 108–119. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.11.

Scientific article

Yang Mingtian¹

✉ shangwaie@163.com

¹Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China

The concept of Prishvin's personality and his true fairy tale. Based on the materials of the diaries of M. Prishvin

Abstract: The concept of Prishvin's personality as an important aspect of his worldview was not systematized and it is still ignored by researchers in China. In our world, while there are wars and epidemics, it is important to read Prishvin and learn a lesson from him. In this paper, the concept of Prishvin's personality is illustrated by the results of the motivational and conceptual analysis of "personality" in his diaries. Prishvin only set the personal value. His understanding is close to Christianity. In his opinion, the property is a consequence of the materialization of one's personality. Wholeness is an indispensable condition for the emergence of a personality. His writings are an attempt to define himself as a person in history. In Prishvin's works one can find the same theme of the struggle of an individual for the right to his existence, the essence of an individual is the meaning of life, and by this line of reasoning the society is impossible without this meaning. Prishvin was a representative of the personal principle allowing no substitution of the whole soul with a particularity; he was a realist, not a naturalist in his works. The Christian "subtext" of Prishvin's works and his attempt to express it in fairy tales should not be ignored. The main idea of the concept of Prishvin's personality is the so-called personalism in the philosophical sense, it is personalism in an unsystematic development and figurative, specific interpretation by Prishvin in Russia based on his experience of life and creativity. The existential-personalistic trend of Prishvin's interpretation of Me in its loving attitude towards You (the Other) in their dialogue differs from the philosophy of postmodernism.

© Ян Минтянь, 2023

Keywords: M. Prishvin, personality, “love attention”, essay, fairy tale.

Paper submitted: February 27, 2023

For citation: Yang Mingtian (2023) The concept of Prishvin's personality and his true fairy tale. Based on the materials of the diaries of M. Prishvin. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 2, pp. 108–119. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.11.

Введение

В Китае вышло в свет «Собрание сочинений Пришвина» (на китайском языке) в 5 томах (Пришвин, 2005), некоторые его работы даже считаются научно-популярными (Пришвин, 1988). Китайские исследователи обращают внимание на его «экологическую литературу». Также было исследование прототипов персонажей и жанров его произведений. Статей, в которых обсуждаются основные идеи Пришвина, включая исследование его концепции «природы», «родства» и «любви», немного. Хотя в конце прошлого века китайским исследователям стало известно, что у Пришвина были «тайные дневники» (Жо Янь, 1993, с. 37–39), но только теперь они имеют возможность прочитать полностью эти дневники и учитывать мнение самого Пришвина насчет своей идеи и творчества. Очевидно стало, что нельзя ограничиваться только поверхностными явлениями, нужно изучать Пришвина как мыслителя (Го Ли, 2004, с. 55–57).

«...своей главной книгой он считал Дневники, которые вел в течение почти полувека (1905–1954) и объём которых в несколько раз больше самого полного, 8-томного собрания его сочинений» (Николаев, 2000, с. 575). Однако в Китае дневники Пришвина, опубликованные в России в последние годы, не привлекали должного внимания. Китайские исследователи уделяют больше внимания мыслям Пришвина, выраженным в его «Собрании сочинений» (8 т.), но сами замечания и объяснения Пришвина в дневниках изучены недостаточно, в результате чего некоторые из сделанных ими комментариев неубедительны.

Некоторые исследователи творчества писателя пишут сложными и заумными словами, не осознавая, Пришвин был противником этого, что и отражено в дневниках. Пришвин не любил абстрактные философские построения. Он считал, что абстракция сопровождается чувством личной гордости и волей (действием), наоборот, переход от общего к частному сопровождается смирением (из признания, что каждая мелочь имеет свое лицо) (Пришвин, 1995, с. 43).

Было мнение, что на личность Пришвина большое влияние оказал философ Н. О. Лосский, и дано этому название «наивный реализм» (Подоксенов, 2011, с. 143–156). Но сам же Пришвин как будто и оспаривал такое мнение: «Художник наивен в познании пути, но посмотрите, кто больше его трудится и кто больше счастлив в этом труде: нет никого одновременно и более связанного, и более свободного, чем он. <...> И где, в какой войне бывает такая атака, чтобы из тысячи один достигал своей цели и праздновал в красоте победу свободы человека. И как же это не поведение, если миллионы трудящихся людей, понимая красоту, участвуют в этой победе и обретают в ней огромное облегчение в своем труде. Так вот я и понял, почему ищу в искусстве “поведения” – я тем самым ищу тождества своей личности с действительным миром. Таково поведение художника и таков истинный путь к свободе» (Пришвин, 2014, с. 262).

Судя по содержанию, некоторые суждения Пришвина созвучны мнениям Н. Бердяева и А. Меня (Михайлов, 2002, с. 188–192). Пришвин считал, если он, не зная сказанного кем угодно, лично пережил и сумел об этом же сказать по-своему, то в истории культуры он нечто прибавил, хотя он и считал, что содержание культуры во все времена неизменно, но раскрывается оно человеку в личных переживаниях, придающих содержанию культуры качественную ценность. Ему не нужно было ни книг, ни цитат, он выражал все своими словами и опытом, и у него сформировалась своя концепция личности.

«Рождению Пришвина-художника предшествовал переворот от революции к себе, связанный с его исканием Бога» (Николаев, 2000, с. 573). В романе «Кашеева цепь», который Пришвин писал в течение долгого времени (1922–1927, отд. изд. 1928, дальнейшая работа вошла в отд. изд. ром. 1956) возникает важнейшая для писателя мысль о рождении «еще неведомой, неназванной» личности, соединяющей идею внутреннего духовного устройства и внешнего социального строи-

тельства (Николаев, 2000, с. 574). В своей жизни и творчестве Пришвин неоднократно чувствовал «потребность вернуться к самому себе», «к себе первоначальному», подчеркивал «проблему своего пути», нужно отстоять «внутреннего человека», «Бога в человеке», сохранять верность самому себе (Николаев, 2000, с. 575) и т. д., что такое «я», по мнению Пришвина, которое является основой «личного творчества жизни»? Какова связь между мыслью Пришвина о личности и его средствами выражения? Для решения таких вопросов нам нужно опираться на дневники писателя. В мире, когда идет война и эпидемия, актуально читать Пришвина и извлечь из него урок.

Пришвин в своих дневниках указал, что основное философское мышление человека состоит в том, чтобы искать источник всех вещей. Он считал, что все находится под влиянием любви, а источник всего – «я, личность», само существование человека доказывает, что личность неразрушима (Пришвин, 2007, с. 50). Пришвин всю жизнь придерживался такой точки зрения. Он неоднократно говорил, что пишет дневники для облегчения работы исследователей его произведения. Но, к сожалению, его дневники пока изучены недостаточно, некоторые исследователи просто рассуждают без учета отзыва Пришвина о самом себе. Далее мы проиллюстрируем концепцию личности Пришвина по результатам мотивного и концептуального анализа «личности» в его «тайных» дневниках.

Результаты

1. Концепция личности Пришвина

По нашему мнению, основное понимание личности у Пришвина выражается простыми словами: хотение (воля) человека возникает в его личности, которая разделяет себя на жертвенное (свое) и достигаемое (общее, сотворенное). Он утверждал, что начало всяких сотворенных вещей есть воля, осуществляемая личностью. Свойство личности есть воля. Свойство воли есть выбор. Творческая воля есть способность называть своим только свое, способность жертвовать своим низшим для своего высшего. Это высшее есть в то же время и общее, всем видимое, всем доступное, даровое красивое (Пришвин, 2007, с. 79).

Некоторые считали, что Пришвин в конце своей жизни достиг понимания от противопоставления «я» и «они» к понятию «мы» (Николаев, 2000, с. 575), судя по вышесказанному, это, очевидно, необоснованно.

По мнению Пришвина, борьба личности и общества – это борьба качества с количеством. Трагедия количества заключается в том, что качество, распределенное на всех, перестает быть качеством. Пришвин поддерживал мнение Штирнера, считая, что последняя ценность есть самобытность, личность (Пришвин, 2008, с. 351). Реализовать себя – значит отделить себя от общества, выделить свое качество, происходящее «не от мира сего».

Иллюстрация личности Пришвина естественна, она исходит из его собственного опыта (Пришвин, 2012b, с. 260). Его аргументы лаконичны и ясны: равенство создается разрушением отличий, равенство есть конец, смерть. Созидание, творчество создает отличия.

Истинный человек характеризуется личностью, в которой определено отношение и к миру. Такая личность в мире является проводником высшего порядка, который предусматривает такую же личность и во всей природе. Это понимание Пришвина близко к христианству (Пришвин, 2006, с. 220). Пришвин признался, что психологически он примыкал к Ницше: он устанавливал ценность только личного. В деле жизни многие берутся не за свое дело, и так порождается индивидуализм как начало, враждебное личности. Личность может быть очень маленькая, но она всегда цельная и представительная, а индивидуальность всегда – дробь (Пришвин, 1995, с. 190).

Собственность – следствие материализации личности

Пришвин иллюстрировал важную роль личности в жизни человека своим опытом. По его мнению, собственность есть следствие материализации личности, и некоторые лишь потому настроены против собственности, что в ней часто заключается власть над другим. И только если личность совершенно совпадает с обществом, как у пчел, исчезает личная собственность (Пришвин, 2006, с. 584; Пришвин, 2009b, с. 195). Пришвин считал, что бороться против собственности – значит бороться против личности, победить собственность – значит уничтожить

всё личное в человеке и превратить его в раба. Надо бороться не с собственностью, а с определенной, пережитой формой собственности, вроде собственности на землю. Надо изменить лишь применение силы личного и обратить чувство собственности на творчество, отвечающее времени (Пришвин, 2009b, с. 208). Пришвин считал, что собственность есть материал в утверждении личности – это низ человека, а слава – это лицо и смысл (Пришвин, 2013b, с. 716).

Единство личности со всем миром

Пришвин подчеркивал важную роль личности, но одновременно и указал, что надо достичь единства личности со всем миром. Он доказал это не абстрактным путем, а своим опытом творчества: единственный раз это «Я» пришло в мир и больше никогда не придет. И в тот момент, когда писатель берет перо и хочет отметить какой-нибудь день как личность неповторимую, он своей личностью соприкасается с личностью дня. Если так постоянно записывать, то живые дни проходят не без живого участия писателя, и в этих проходящих днях он узнает себя и в себе самом находит единство со всем миром, в котором люди делают свою историю (Пришвин, 2009b, с. 772). Цельность – есть условие появления личности (Пришвин, 2012a, с. 225). Как художник Пришвин чувствовал в обезличении продукта смерть всякому искусству, он боролся за личность художника и тем самым боролся за все искусство, за всю родину свою (Пришвин, 2012a, с. 490). Он заключил, что жизненная миссия искусства есть образование личности.

Удовлетворение личности

Пришвин всегда чувствовал, что его самость (то есть личность) недостаточно удовлетворена, подавлена, не выражена. Для этого лет уже в тридцать он восстановил в себе детские забавы, охоту, путешествия. Ему казалось, что под контролем сложной изнурительной психической борьбы эти явления «самости», детские игры, как целительное лекарство, питали всю его художественную деятельность (Пришвин, 2012a, с. 729).

Божественная личность

По мнению Пришвина, божественная личность, таящаяся в человеке, едина для всех, и высшая цель жизни и состоит в достижении близости к ней. В этом творческом усилии преодоления своей индивидуальности и состоит дело жизни. Это – встреча с той Личностью и расставание со своей душой – частично возможно и при жизни. И «христианская кончина» именно и состоит в радостном освобождении от «себя» и слиянии не временном, а вечном с Личностью Бога (Пришвин, 2012b, с. 123). Это «я», эта личность, есть не что иное, как явление Бога в каждом. Бог есть любовь, Бог любит всех, но каждого больше: вот это «больше» и чувствуется человеком как «я», и это есть личность и богочеловек (Пришвин, 2013a, с. 307). Православие – это религия личности, иное понимание – религия общества («всех»), и то и другое называет себя религией человека, человека-личности и человека общественного. Человек-личность ведет свое начало от Бога, человек общественный – от обезьяны (Пришвин, 2013a, с. 561).

Итак, у Пришвина сложилась своя концепция личности. Он пытался обосновать эту концепцию, считая, что собственность есть последствие материализации личности, надо изменить применение силы личного и обратить чувство собственности на творчество, отвечающее времени, нужно достичь единства личности со всем миром, цельность есть условие появления личности, жизненная миссия искусства есть образование личности, явления «самости», детские игры, как целительное лекарство, питали всю его художественную деятельность. С такими точками зрения тесно связаны секреты творчества Пришвина.

Секреты творчества Пришвина

Пришвин в дневниках раскрыл читателям тайну своего творчества. Он считал, что условием истинного творчества должна быть его органичность, т. е. сознание творца цельности, единства в происхождении мира, связи себя самого со всеми живыми и мертвыми. Это условие присутствия чувства общей жизни или мира, всего мира, необходимо для творчества как рычаг (Пришвин, 2006, с. 148).

Судя по разрозненным заметкам Пришвина в дневниках, его особенность творчества заключается в следующем: первая особенность творчества Пришвина состоит в том, что он брал материалы не из книг или из рассказов людей, а из природы, притом сам непосредственно, из своих

переживаний. В то же время слова и образы, которые приходилось ему брать от народа во время путешествий, он перерабатывал так, чтобы они выходили в первом значении как свои собственные (Пришвин, 2012а, с. 352). Вторая особенность заключается в том, что материалы эти он стремился получить методически, как в науке (Пришвин, 2010а, с. 558). Третья особенность – в том, что он хотел создать современную сказку (или рассказ) для всех возрастов (Пришвин, 2010а, с. 558), создать поэзию природы новую, всем доступную, постепенно приближаясь к образцам народного творчества. Четвертая особенность творчества Пришвина – это его реализм, а не натурализм. Некоторые исследователи считают, что Пришвин в основном описывает природу и принадлежит к писателям-натуралистам. Другие в настоящее время называют Пришвина автором экологической литературы. На самом деле, это поверхностные явления. Пришвин так обсуждает свою позицию в дневниках: натурализм – это когда художник думает, что мир существует независимо от личности художника, и значит, надо изображать его таким, каков он есть сам по себе. Реализм действительность понимает как взаимоотношение природы и личности человека. Практически для художника реализм открывает сравнительно с натурализмом новые возможности (Пришвин, 2013а, с. 543). Пришвин признался, что он принадлежит к реализму. Это в литературе. Если судить по бытовой философии, Пришвин был идеалистом. Пятая особенность творчества Пришвина – это его христианский подтекст.

Китайские исследователи иногда упоминали об этой особенности, но не ожидали, что Пришвин об этом прямо заявлял в своих дневниках. Пришвин сказал, что он в своих писаниях приблизился к человеку, это приближение означает приближение к человеческой личности, между тем как на время войны вопросы, связанные с человеческой личностью, исключаются (Пришвин, 2013а, с. 364). По мнению Пришвина, его мало печатали, потому что его время – предвоенная и военная обстановка, а у него была тема страдающего человека и личности, между тем правительству требовалась тема мужества (Пришвин, 2013а, с. 396). Христианский подтекст («шпионаж душ») – вот «вина» его творчества в советское время. Пришвин в дневниках даже писал: «Надо просто взяться за что-то новое и опять обмануть их, как обманывал охотничьими рассказами. А про себя думаю, что шпионаж душ теперь до того доведен, что может быть и не выскочить» (Пришвин, 2013а, с. 416). Пришвин был представителем начала личного, и именно от этого и страдал (Пришвин, 2013а, с. 527). Этими словами он и указал путь понимания своего творчества. Исследователям нужно и читать сквозь текст, не останавливаясь на буквальном и поверхностном толковании. Как раз такого понимания Пришвина большинству китайских исследователей в настоящее время и не хватает.

Некоторые исследования указывают на то, что Пришвин не был участником каких-то крупных общественных событий, а являлся сторонним наблюдателем. Видимо, такие исследователи не брали в расчет дневники Пришвина. На самом деле Пришвин отвечал на такой вопрос в своих дневниках: рассудочными решениями нельзя подменять решения всей цельной личности. Он признался, что за все полвека литературной работы эта опасность подмены всей души частностью не покидала его, все его ошибки происходили только от этого. И только от страха этой подмены он не вышел весь в люди, а значительной частью остался в себе. Он думал, что отсюда – длительность его литературной жизни и черепашьям ходом нарастающее лучшее: чем дольше он пишет, тем лучше, потому что, постепенно умнея в слове своем, выходит с этим опытом в люди (Пришвин, 2013b, с. 674).

Особенности творчества Пришвина связаны с его собственными переживаниями, непосредственным участием в жизни, христианским «подтекстом», приближением к человеческой личности, решением цельной личности, реализмом, они и есть реализация концепции личности Пришвина.

Метод изучения «любовным вниманием» Пришвина

Некоторые исследователи в Китае отметили метод Пришвина «родственное внимание» и, возможно, не изучали материалы дневников Пришвина или не обратили внимания на его исправления и дополнения.

По мнению Пришвина, существуют методы изучения умом, но еще нет методов изучения «любовью» (родственным вниманием, как Пришвин раньше отмечал), как он называл это свое чувство (личной привязанности), такое сильное, что открывалось ему во всем его существе (Пришвин, 2009b, с. 769).

Пришвин считал, что способность художника видеть мир означает бесконечное расширение обычной способности всех людей к «родственному вниманию». Пределы этого родственного внимания бесконечно расширяются посредством искусства, этой способности особо одаренных людей, художников, видеть мир с лица. Он находит свою скромную задачу сближения, родственного внимания, имеющего общие корни с первобытным анимизмом (Пришвин, 2009b, с. 250).

По мнению Пришвина, каждый «сам-человек» содержит свою индивидуальность, и надо обладать родственным вниманием, чтобы уметь отличать в каждом свойственную ему индивидуальность, т. е. именно самого человека (Пришвин, 2010b, с. 38). Он считал, что нужно побольше укрепляться в силе родственного внимания, обращенного к тварям земным, вглядываться в каждую мелочь отдельно и отличать одну от другой, узнавать личность в каждом мельчайшем даже живом существе, выводить из общего, показывать, собирать миллионы их, и весь этот великий Собор живых выводить на борьбу против Среднего Должного. По его мнению, не надо думать долго, а надо смотреть внутренним глазом и открывать (Пришвин, 2012a, с. 535).

То бескорыстное чувство и мысль, с которой художники, вопреки всему, смотрят на природу, Пришвин раньше называл «родственным вниманием» и чувствовал всегда недостаточность этого понятия, всегда ему казалось, что внимание, пусть и родственное, таит за собой нечто его определяющее и направляющее. Позже он решил, что это особое состояние духа, которое называется празднолюбием. «Смутное же сознание, что есть какие-то способы управления родственным вниманием для творчества этим празднолюбием проясняется: это есть то самое, чем создает верующий человек себе праздники» (Пришвин, 2012b, с. 432).

Пришвин называл эту мысль о творческой силе сосредоточенного внимания родственным вниманием. Немного его сбивало определение «родственное» тем, что оно повторяется не совсем в том значении в биологии («химическое сродство») и в быту. Он хотел этим понятием «родственное» определить ту силу, связывающую в один луч все разбегающиеся в разные стороны лучики внимания человека. Он исправил свою формулировку: «не родственное надо бы сказать, а любовное внимание» (Пришвин, 2013a, с. 435).

Итак, все приемы для нахождения любовного внимания состоят в том, чтобы отвести в сторону, освободить себя от рассудочного волевого внимания. Для того-то вот так и полезно художнику действовать в природе, охотиться, рыбу ловить, грибы собирать, чтобы отвести от себя обычное рабочее внимание и остаться с любовным, праздничным. Это способ освобождения любовного праздничного внимания от рассудочно-рабочего. Следуют выступать, чтобы не подменяли творческие единицы среднеарифметическими единицами масс (Пришвин, 2013a, с. 437). По мнению Пришвина, божественное олицетворение (творчество), которое мы видим в природе, посредством усиления родственного (точнее, любовного) внимания в человеке действует как искусство. Это искусство, действующее из единого источника («весь человек»), и является силой олицетворения, распределяющей народное добро (Пришвин, 2014, с. 63).

Пришвин иногда возвращался к термину «родственное внимание», давал ему другое название: «поведение», «любовь». «...душа поэта – перед тем как написать стихотворение, непременно должен прилететь ангел. В поисках источника поэзии я долго называл это состояние души поэта родственным вниманием. Но исследуя природу этого внимания, желая это внимание сцепить с сознанием, волей, личностью, я стал называть его поведением» (Пришвин, 2014, с. 417). «Всякий человек с малолетства ищет в природе то, что определяет самого человека в мире природы, а именно незаменимость единственного (личность). И когда человек действительно находит в природе дерево, птицу, собаку, живое личное существо, он создает о нем миф и утверждает тем самым человека в природе. Этим путем я шел в своем писательстве, и мой метод такого изучения природы мои читатели поняли, как любовь, как усилие человека сделать с природой то самое, что сделало его существом милосердным» (Пришвин, 2014, с. 671).

Вот в чем нашел Пришвин приемы для нахождения любовного внимания, и в познании личности и заключается его метод изучения «любовью». Он выступал против Среднего Должного, среднеарифметических единиц масс. Для таких действий подходящими средствами выражения были очерк и сказка.

Сказка – средство выражения Пришвина

Пришвин придерживался своей концепции личности и нашел средства для ее выражения: по его формулировке, сначала это был очерк, потом он уточнил, что всю жизнь писал сказку. Такая точка зрения в настоящее время еще не принята большинством китайских исследователей. Некоторые ученые указали, что стиль Пришвина похож на эпиграммы и афоризмы, упуская мнение самого Пришвина по этому поводу.

Очерк близок к «жизни»

Пришвин более четверти века (1905–1931) своей литературной деятельностью посвятил очерку. У него был роман, множество рассказов и литературных новелл, пьеса для чтения и поэма. Он пытался доказать, что роман, рассказы, пьесы и поэмы являются очерками, насыщенными поэтическим содержанием (Пришвин, 2006, с. 152). По нашему мнению, можно так суммировать его мотивировку. Во-первых, очерк – эта начальная литературная форма, «годы странствий» поэта (Пришвин, 2006, с. 154). И естественно, это «годы охоты и путешествий» Пришвина по России. Во-вторых, очерк – это литературная форма, ближайшая к опыту, как научному, так и бытовому. Огромная масса исследовательского материала заключается в очерках научных и бытовых, форма очерка является посредствующей между жизнью и творчеством (Пришвин, 2006, с. 156). Очерк является промежуточной литературной формой, в которой поэтический локомотив эпоса или же лирики тянет за собой грузовой поезд с научным или эпическим содержанием. В-третьих, очерк отличается от рассказа близостью к «жизни» (Пришвин, 2006, с. 177), а не отсутствием сюжета. Можно назвать много очерков сюжетных, если понимать сюжет в смысле ритмической связи всего произведения. Литературная деятельность Пришвина была культивированием формы очерка. Он сделал обзор всех своих написанных произведений за 25 лет от первого очерка в 1905 году, кончая единственным романом, который можно считать огромным очерком собственной жизни, а в книге «Журавлиная родина» Пришвин сознательно брал форму романа, ломал ее и делал очерк (Пришвин, 2006, с. 179).

Переформулировка очерка в сказку

Принцип Пришвина заключается в том, чтобы вкладывать в произведение ту часть своего «я», которая бывает и у других, отчего читатель принимает это «я» за свое собственное. Значит, это «я» в значении общего, личности. Всякая деталь должна являться из момента встречи всей личности художника с материалом, деталь – это момент вечного (Пришвин, 2009b, с. 239). Для культуры очерка не надо сложных рассуждений о форме, приводящих к схоластике, для нее нужна этическая культура, нужно сделать так, чтобы в обществе заговорила совесть (Пришвин, 2009b, с. 755).

«1937 был вершинной точкой в дрящемся перевороте Пришвина от революции к себе, когда “к себе” стало означать для него к “Христу”. С середины 20-х гг., особенно в 30–50-е гг. определяющими станут для него понятия “легенда”, “сказка”, “мифичность”» (Николаев, 2000, с. 574).

Пришвин в дневниках после 1942 г. переформулировал свое высказывание по очерку, назвал свое произведение сказкой. «Будьте как дети» Спасителя указывает, что Он именно детскую радостную игру считал источником добра, а не фарисейскую мораль добрых полезностей. Ребенок о пользе не думает, а всю жизнь потом пользуется счастьем детской игры своей и, наверно, если делает людям добро, то пользуется все тем же источником своего детства, игрой (Пришвин, 2012b, с. 540). По мнению Пришвина, добро – это мы, красота – это Я. Прямой путь всех к добру – это «будьте как дети». Но путь к добру (мы) в красоте каждого избранника не предсказан, и вот именно свое собственное определение этого пути к добру в красоте и определяет путь человека, его Я, его личность (Пришвин, 2012b, с. 542). Истинная победа должна явиться через личность, узнавшую свободу в исполненном долге. Эта свободная личность играет тем, над чем мучились ее предки, эта личность в существе своем есть дитя. И в словах «будьте как дети» предначертан путь творчества (Пришвин, 2013а, с. 682).

Сказка в понимании Пришвина

Сказка – это связь между временами

Пришвин считал, что сказка – это связь между временами. Он мотивировал это своим опытом жизни: в благодарности матери рождается потребность связать его счастье (проходящее) с вечно-

стью будущего, и он создал для этого сказку, в которой возвеличивал своих предков-богатырей (эпос), освящал родную землю своими молитвами (лирика) и тем, упираясь в настоящее, поднимал и прошлое как мост в будущее. И все это творчество связи между временами он называл сказкой (Пришвин, 2013а, с. 682). И это его широкое понимание сказки было связано с его пониманием личности.

Сказка – это сила личности в борьбе с бездушным механизмом

Пришвин считал, что человек борется с каким-то поглощающим его механизмом, и вот эту-то силу, возникающую у человеческой личности в борьбе с бездушным механизмом, Пришвин назвал сказкой в самом широком смысле слова. В этой сказке содержится и песня, песня в этом смысле есть музыкальная сказка, сама сказка есть песня, в которой песенный ритм трансформирован в сказочный сюжет (Пришвин, 2013а, с. 689). Сказку Пришвин понимал как явление ритма, сюжет сказки с этой точки зрения есть не что иное, как трансформация ритма. Это можно иллюстрировать из его опыта создания сказки «Кладовая солнца». Так, он понимал сказку в самом широком поэтическом смысле слова и в то же время узком: сказку, не подчиненную поэтическому ритму, он исключал (Пришвин, 2013а, с. 697).

Эту точку зрения Пришвин объяснил на примере своего творчества: он начал свой литературный путь записыванием сказок на севере, его первым учителем литературы был русский народ. По образованию своему он был натуралистом, а не физиологом. Благодаря этому при записи сказок он имел довольно внутренней свободы, чтобы по этим народным устным сказкам складывать свою собственную сказку. Перед ним открылось тогда два мира в отношении сказки: в обществе таких поэтов и писателей, как Блок, Мережковский и другие, и там – в лесах, где душа его соединилась с народной сказкой. Третьим его учителем была нужда (необходимость охранять свою сказку борьбой за существование, работой в газетах). Этот участок был тем механизмом, Кашеем, с которым вступил в борьбу его Иван-царевич (Пришвин, 2013а, с. 691). Сказка в самом широком смысле слова есть живая вода личности, выходящей из вечного повторения механизма мертвой воды. Литературная жизнь Пришвина – это как попытка создать свою сказку – личное дело против механизации повести и рассказа (Пришвин, 2013а, с. 693).

Правдивая сказка Пришвина

Первым произведением Пришвина, «Колобком», было описание его путешествия на север в 1905 году. В этой книге Пришвина ведет по суше и воде севера сказочный веселый колобок, представляющий собой средоточие бессмертной радости жизни. Пришвин «все 40 лет литературной деятельности шел за своим Колобком» (Пришвин, 2013а, с. 312).

Внутри кажущегося очерка и рассказа Пришвина таится цель написать правдивую сказку (напр. «Кладовая солнца»). Пришвин 40 лет своего творчества был «на прокрустовом ложе очерка», он считал, что человек живет сказкой – это сила внутриатомной энергии. Ему хотелось раскрыть в форме сказки для детей, для читателей элементарнейшие и необходимейшие понятия нравственности человеческой: свободу и долг, поэзию и правду (Пришвин, 2013а, с. 660).

Пришвина увлекало создание правдивой сказки, народной в существе своем, но без традиционного народного мифа, и, как фольклор, интересной для всех возрастов. Созданная Пришвиным сказка является первым твердым шагом к построению правдивой народной сказки без традиционных отсылок к народному мифу. Личность – это индивидуально-общественный комплекс. Сказка есть связь или двух-трех поколений, как это происходит на севере, или индивидуума и общества, что и называется личностью.

Произведение Пришвина – это авторские сказки (Пришвин, 2014, с. 142). «Авторские сказки, вслед за фольклорными, выполняют две основные функции: развлекательную и воспитательную. Стержнем повествования авторской сказки становится морально-этическое представление автора о нормах жизни в повседневной реальности. Это и придает уже несколько столетий безусловную актуальность авторской сказке – обращенной сразу и к детям, и к взрослым» (Травникова, 2007, с. 150–160).

Обсуждение

Вопрос о роли личности в истории предстал перед Пришвиным не как догмат веры, а как личное переживание. Его сочинения являются попыткой определить самому как личности в

истории, а не просто как действующей или запасной части в механизме государства и общества. Таким образом, вопрос о роли личности в истории стал для него живым вопросом о своей роли в текущей жизни (Пришвин, 2013а, с. 381). В его дневниках и собрании сочинений люди узнали одну и ту же тему борьбы личности за право своего существования, существование личности есть смысл жизни и без этого смысла невозможно общество.

Пришвин считал, что прямая заявка личности на право своего бытия невозможна, потому что нет объективного нравственного критерия личности, и заявка личности является заявкой индивидуальности, т. е. всеобщего своеволия, вульгарного анархизма. Остается признать два параллельных процесса в постоянной борьбе: 1) процесс олицетворения как нравственного требования в самоопределении каждого (тут заключено творчество или производство в широком смысле), 2) процесс механизации или потребления и распределения, в котором субъект (каждый) превращается в объект (все) (Пришвин, 2013а, с. 382). Раз противоречия существуют, по логике диалектики будет и жизнь, и развитие, хотя он выступал против Маркса, считая, что «именно личность определяет историю...» (Пришвин, 2014, с. 95), настоящая Личность – это Христос. Пришвин сомневался в выражении «бытие определяет сознание» (Пришвин, 2014, с. 275).

Пришвин понимал «научный» материализм не как философское направление, а как детерминизм в отношении свободы субъекта, а идеализм как субъективизм. Размышление Пришвина над «личностью» дает полезный урок и китайцам. «Поведение или метод в искусстве – это система сигналов своей личности, себя самого, своей собственной души другой душе, как на другую планету. С другой стороны, душа человека вообще одна и сигналы какой-то души есть сигналы единства» (Пришвин, 2014, с. 337). Но устремление в будущее, в творчество святой среды никак не должно умалять личность, напротив, личность должна реализоваться в своем действии, т. е. создавать поведение (Пришвин, 2014, с. 354). «Так и вся система Маркса-Ленина стала бы каждому святым делом, если бы в нее ввести личность. Вот это я и делаю в своих писаниях, из-за этого не стареет моя литература, из-за этого все растет и растет мой читатель...» (Пришвин, 2016, с. 13).

Пришвин в борьбе своей за личность человека получал признание. Его борьба за личность имела успех потому, что он эту «личность» не из прошлого брал, не из буржуазной страны, а устанавливал себя конкретно в России, на своей земле, внутри революции, как реальность, в противовес отвлеченности. Так он понимал причину своего успеха и его право на признание (Пришвин, 2016, с. 104).

В процессе приспособления Пришвина к советской власти вышли его рассказы о природе, и в этом он реализовался как победитель, наряду с этим были и ошибки, он был отвергнут (и не случайно). На этом пути мало-помалу определялись категории его личного сознания и внешних требований. Исходная точка его личного нравственного сознания в том, что человеческая личность незаменима, а основополагающий тезис той стороны: личность можно заменить другой личностью, как сменную слепую шестерню (Пришвин, 2016, с. 147).

Пришвин содержал в себе драму художника, борьбу с Богом за себя, как личность божественную. И такое богоборческое поведение Пришвин пытался сделать всеобщим, вменить каждому человеку в основу его труда силу поэзии (Пришвин, 2016, с. 374). Качество вещей связано с личностью творческой, что творчество это обусловлено свободой. Значит, настоящий поэт есть свободная личность в своем поведении, плюс природное дарование (Пришвин, 2016, с. 447).

Пришвин доказал в отношении описания природы: личное прикосновение роднит со всякой, совершенно ему чуждой природой. Но на этом правильном пути он остался личностью непослушной, делал то, к чему он способен, что он любил, описывал природу, но не прославлял «преображение» природы в стройку, как приказывали (Пришвин, 2016, с. 460). Как справедливо отметили китайские исследователи, что именно в этом Пришвин опередил своих современников. Чувство личности («я») – это всё, исчезновение личного как конец истории, конец мира. Этому противопоставляется чувство безличного (прогресс, оптимизм и др.). По мнению Пришвина, оправдание движения – вот философия материализма. Наоборот, у идеалистов вера в чудо: личность действует чудом, масса – машиной (Пришвин, 2016, с. 461).

Мы считаем, что Пришвин колеблется между объективным и субъективным идеализмами (Пришвин, 2017, с. 195). По биографии Пришвина видно, что он от материалиста (Марксиста) стал идеалистом, ему ближе был объективный идеалист, Христос стал для него образцом жизни, иногда он выделял роль личности, невольно стал ближе позиции субъективного идеалиста (Пришвин, 2016, с. 502). По мнению марксиста, Пришвин неправильно разбирался в отношениях между сознанием и бытием. Например, он подчеркивал важность личности творческой, поставил на первое место личность, а не бытие по марксизму (Пришвин, 2016, с. 473). Важность личности творческой мы тоже не отрицаем, но она все-таки является вторичным фактором, бытие определяет сознание. Бытие является первичным фактором (Пришвин, 2016, с. 484).

Иногда Пришвин правильно указывал на недостатки тогдашнего общества. Например, он сказал, что в процессе диктатуры и проявляется закон незаменимости и незаменимости всякого живого существа (Пришвин, 2016, с. 495). Советский социализм был страшен тем, что необходимость повторения и продолжения обнажается, как машина. Каждый, кто не в силах выступить неповторимой личностью, обращается в машину (Пришвин, 2016, с. 503). В домашнем развитии марксизма человек как личность, как Слово исчезает в Деле (Пришвин, 2017, с. 164). Преодоление факта смерти: искусство, религия, – происходит главным образом лично (Пришвин, 2017, с. 175).

Пришвин иногда называл себя коммунистом в своем понимании, например: «я коммунизм свой беру не из книг и не от каких-нибудь умных людей, я беру коммунизм просто из леса в своем чувстве первичной материи» (Пришвин, 2016, с. 504, 520). Иногда он называл себя социалистом тоже в своем понимании: «Я социалист от рождения, но социалист, достигающий самоопределения личности» (Пришвин, 2016, с. 582).

Пришвин все-таки пытался выдвинуть свою философию: личность человека торжествует только в состоянии творчества смысла жизни, которое начинается от рождения и постепенно переходит в бессмертие и вечность. И все, о чем думал, чем обогащал в истории жизни человек человека, есть философия света (солнца) и тени (земли) (Пришвин, 2017, с. 178). Выход в личном поведении, в признании личности в человеке (Пришвин, 2017, с. 179). Чем крупнее личность, чем острее чувство свободы, тем необходимее собранность и заключенность всех в законе единства (Пришвин, 2017, с. 489). Реальность и практика заставляют людей согласиться с некоторыми выводами Пришвина.

В историко-философской традиции в целом обозначены экзистенциально-персоналистское и объективистско-социальное направления трактовки Я. Первое фокусирует внимание на внутреннем, духовном мире индивида. Второе ориентировано на трактовку Я в качестве элемента объективно сложившейся социальной системы (Грицанов, 2001, с. 1249). Главная идея концепции личности Пришвина – это так называемый персонализм в философском смысле (Грицанов, 2001, с. 740), только это персонализм в несистематизированной разработке и образном, конкретном толковании Пришвина в России по своему опыту жизни и творчества, который еще не привлек внимание китайских исследователей. Экзистенциально-персоналистское направление трактовки Я Пришвина отличается своим любовным отношением к Тебе (Другому) в их диалоге (общении, или коммуникации) от философии постмодерна. «Однако есть базовые вещи, константы, которые даже постмодернистскому сознанию не под силу изменить. Рождение и смерть, любовь и ненависть, война и мир, своё и чужое и т. п. Сказка говорит именно об этих константах, оттого она и сохраняет свою актуальность по сей день. Сказка – это рассказ на все времена» (Люттоли, 2023).

Вывод

Мы считаем, что так называемая экологическая литература Пришвина – это всего лишь его медикамент для утверждения своей личности. Глубокое содержание его работ заключается в выделении личности и осознании ценности человека. Существует внутренняя взаимосвязь между концепцией личности Пришвина и ее выражением средствами сказки.

Концепция личности Пришвина является одним из основных взглядов его мировоззрения, из чего проистекают его творческие секреты, его средства выражения. С одной стороны (поверхностной), родная земля, родной народ, с другой стороны (глубинной), личность остаются неиз-

менной темой Пришвина, темой жизни, к которой он подходит как агроном, этнограф, фольклорист и писатель. «Вся моя жизнь с колыбели была борьбой за свою личность, это моя тема и как писателя» (Пришвин, 2014, с. 119).

Множество написанных Пришвиным охотничьих и детских рассказов несут на себе явный отпечаток приемов народного творчества, но он не прямо указал их происхождение, не пользуясь народными мифами. Можно сказать, что все его произведения являются попыткой удостоверить читателя, что сказки необязательно связаны с мифами прошлого народного творчества, но что и собственный миф Пришвина, имеющего дело с современной действительностью, может обогащать человека волшебными сказками (Пришвин, 2013b, с. 39). Эта сказка (иначе говоря, мечта) обещает человеку бессмертие личности (Пришвин, 2013b, с. 290).

Источники

- Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск, Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. 1280 с.
- Люттоли (Луи Бриньон) (2023) Сказка и постмодерн (окончание). https://shkola-avtorov.ru/master_klass/9-7-skazka-i-postmodern-okonchanie.html (дата обращения 2023.02.22)
- Михайлов М. И. (2002) От индивида – к личности. Человек. № 4, с. 188–192.
- Николаев П. А. (2000) Русские писатели XX века: биографический словарь. М., Большая Российская энциклопедия, 808 с.
- Подоксенов А. М. (2008) Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. Человек, № 5, с. 74–89.
- Подоксенов А. М. (2011) Михаил Пришвин и Николай Лосский. Человек, № 5, с. 143–156.
- Пришвин М. М. (1995) Дневники: Книга третья. Дневники 1920–1922 гг. М., Московский рабочий, 334 с.
- Пришвин М. М. (2003) Дневники. 1926–1927. М., Русская книга, 592 с.
- Пришвин М. М. (2004) Дневники. 1928–1929. М., Русская книга, 544 с.
- Пришвин М. М. (2006) Дневники. 1930–1931. Книга седьмая. СПб., Росток, 704 с.
- Пришвин М. М. (2007) Дневники. 1914–1917. СПб., Росток, 608 с.
- Пришвин М. М. (2008) Дневники. 1918–1919. СПб., Росток, 560 с.
- Пришвин М. М. (2009a) Дневники. 1923–1925. СПб., Росток, 559 с.
- Пришвин М. М. (2009b) Дневники. 1932–1935. Книга восьмая. СПб.: Росток, 1008 с.
- Пришвин М. М. (2010a) Дневники. 1936–1937. СПб., Росток, 992 с.
- Пришвин М. М. (2010b) Дневники. 1938–1939. СПб., Росток, 608 с.
- Пришвин М. М. (2012a) Дневники. 1940–1941. М., Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 880 с.
- Пришвин М. М. (2012b) Дневники. 1942–1943. М., Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 813 с.
- Пришвин М. М. (2013a) Дневники. 1944–1945. М., Новый Хронограф, 944 с.
- Пришвин М. М. (2013b) Дневники. 1946–1947. М., Новый Хронограф, 968 с.
- Пришвин М. М. (2014) Дневники. 1948–1949. М., Новый хронограф, 824 с.
- Пришвин М. М. (2016) Дневники. 1950–1951. СПб., Росток, 736 с.
- Пришвин М. М. (2017) Дневники. 1952–1954. СПб., Росток, 832 с.
- Травникова Е. Г. (2007) Современная авторская сказка. Человек, № 5, с. 150–160.
- 郭利 [Го Ли] (2004) 普里什文及其创作. 俄语 [Пришвин и его творчество. Русский язык], № 1, с. 55–57.
- 刘文飞 [Лю Вэньфэй] (2012) 普里什文的思想史意义. 外国文学评论 [Значение Пришвина в идеологической истории. Обзор иностранной литературы], № 1, с. 162–174.
- 普里什文 [Пришвин] (1988) 茹香雪译. 普里什文动物散文选. 长沙: 湖南少年儿童出版社, 100页. [Избранная проза о животных. В пер. Ру Сянсюэ. Чанша: Хунаньское детское издательство], 100 с.
- 普里什文 [Пришвин М. М.] (2005) 普里什文文集 (5卷) [Собрание сочинений Пришвина. В 5 т.]. Ухань: Издательство литературы и искусства «Чанцзян».
- 若焱 [Руо Янь] (1993) 普里什文的秘密日记. 苏联文学联刊 [Тайные дневники Пришвина. Литературный журнал советского союза], no. 5, с. 37–39.
- 许贤绪 [Сюй Сяньсюй] (1987) 当代苏联生态文学. 中国俄语教学 [Экологическая литература современного советского Союза. Преподавание русского языка в Китае], no. 1, с. 55–58.
- 杨怀玉 [Ян Хуайюй] (2002) 一份写给心灵的遗嘱 — 普里什文研究概论. 国外文学 [Завещание, написанное для души – Введение в исследование Пришвина. Зарубежная литература], № 1, с. 117–121.
- 杨琳 [Ян Линь] (2015) 论普里什文哲理散文中的生态文学思想与猎人情结. 江南大学学报 (人文社会科学版) [Об экологической литературной мысли и комплексе охотника в философской прозе Пришвина. Вестник Университета Цзяннань (Издание гуманитарных и социальных наук)]. Выпуск 3, с. 115–118.

References

- Gritsanov A. A. Noveyshiyy filosofskiy slovar' [The newest philosophical dictionary]. Minsk, Interpresservice; Book House, 2001, 1280 p. (In Russian).
- Guō Lì (2004) Pǔ lǐ shén wén jí qí chuàngzuò. Èyǔ. [Prishvin and his work. Russian language], no. 1, pp. 55–57 (In Chinese).

- Liú Wénfēi (2012) Pǔ lǐ shén wén de sīxiǎng shì yìyì. Wàiguó wénxué pínglùn [The significance of Prishvin in ideological history. Review of foreign literature], no. 1, pp. 162–174 (In Chinese).
- Luttoli (Louis Brignon) (2023) Skazka i postmodern (okonchaniye) [Fairy tale and postmodern (ending)]. URL: https://shkola-avtorov.ru/master_klass/9-7-skazka-i-postmodern-okonchanie.html (In Russian).
- Mikhailov M. I. (2002) Ot individa – k lichnosti [From the individual to the individual]. Human, no. 4, pp. 188–192 (In Russian).
- Nikolaev P. A. (2000) Russkiye pisateli XX veka: biograficheskiy slovar' [Russian writers of the XXth century: biographical dictionary]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia, 808 p. (In Russian).
- Podoksenov A. M. (2008) Mikhaíl Prishvin i Fridrikh Nitsshe [Mikhail Prishvin and Friedrich Nietzsche]. Human, no. 5, pp. 74–89 (In Russian).
- Podoksenov A. M. (2011) Mikhaíl Prishvin and Nikolai Lossky [Mikhail Prishvin i Nikolay Losskiy]. Human, no 5, pp. 143–156 (In Russian).
- Prishvin M. M. (1995) Dnevnik: Kniga tret'ya. Dnevnik 1920–1922 gg [Diaries: Book Three. Diaries of 1920–1922], Moscow, Moscow Worker, 334 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2003) Dnevnik. 1926–1927 [Diaries. 1926–1927]. Moscow, Russian book, 592 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2004) Dnevnik. 1928–1929 [Diaries. 1928–1929]. Moscow, Russian Book, 544 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2006) Dnevnik. 1930–1931. Kniga sed'maya [Diaries. 1930–1931. The seventh book]. St. Petersburg, Rostock, 704 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2007) Dnevnik. 1914–1917 [Diaries. 1914–1917]. St. Petersburg, Rostock, 608 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2008) Dnevnik. 1918–1919 [Diaries. 1918–1919]. St. Petersburg, Rostock, 560 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2009a) Dnevnik. 1923–1925 [Diaries. 1923–1925]. St. Petersburg: Rostock, 559 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2009b) Dnevnik. 1932–1935. Kniga vos'maya [Diaries. 1932–1935. The eighth book]. St. Petersburg, Rostock, 1008 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2010a) Dnevnik. 1936–1937 [Diaries. 1936–1937]. St. Petersburg, Rostock, 992 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2010b) Dnevnik. 1938–1939 [Diaries. 1938–1939]. St. Petersburg, Rostock, 608 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2012a) Dnevnik. 1940–1941 [Diaries. 1940–1941]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 880 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2012b) Dnevnik. 1942–1943 [Diaries. 1942–1943]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 813 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2013a) Dnevnik. 1944–1945 [Diaries. 1944–1945]. Moscow, New Chronograph, 944 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2013b) Dnevnik. 1946–1947 [Diaries. 1946–1947]. Moscow, New Chronograph, 968 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2014) Dnevnik. 1948–1949 [Diaries. 1948–1949]. Moscow, New chronograph, 824 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2016) Dnevnik. 1950–1951 [Diaries. 1950–1951]. St. Petersburg, Rostock, 736 p. (In Russian).
- Prishvin M. M. (2017) Dnevnik. 1952–1954 [Diaries. 1952–1954]. St. Petersburg, Rostock, 832 p. (In Russian).
- Pūlishénwén (1988) Rú xiāngxué yì. Pǔ lǐ shén wén dòngwù sānwén xuān [Prishvin. (Translated by Ru Xiangxue) Selected prose about animals]. Changsha: Hunan Children's Publishing House, 100 p. (In Chinese).
- Pūlishénwén (2005) Pǔ lǐ shén wén wénjí (5 juǎn) [Prishvin M. M. Collected works of Prishvin (5 vols.)]. Wuhan: Publishing House of Literature and Art “Changjiang” (In Chinese).
- Ruò Yàn (1993) Pǔ lǐ shén wén de mìmì rìjì. Sūlián wénxué lián kān [The Secret Diaries of Prishvin. Literary magazine of the Soviet Union], no. 5, pp. 37–39. (In Chinese).
- Travnikova E. G. (2007) Sovremennaya avtorskaya skazka [A modern author's fairy tale]. Human, no. 5, pp. 150–160 (In Russian).
- Xū Xiánxù (1987) Dāngdài sūlián shēngtài wénxué. Zhōngguó èyǔ jiàoxué [Ecological literature of the modern Soviet Union. Teaching Russian in China], no. 1, pp. 55–58 (In Chinese).
- Yáng Huáiyù (2002) Yī fèn xiě gěi xīnlíng de yìzhǔ – pǔ lǐ shén wén yánjiū gàilùn. Guówài wénxué [A Testament Written for the Soul – An Introduction to Prishvin's research. Foreign literature], no. 1, pp. 117–121 (In Chinese).
- Yáng Lín (2015) Lùn pǔ lǐ shén wén zhélǐ sānwén zhōng de shēngtài wénxué sīxiǎng yǔ lièrén qíngjié. Jiāngnán dàxué xuébào (rénwén shèhuì kēxué bǎn) [On ecological literary thought and the hunter complex in Prishvin's philosophical prose. Bulletin of Jiangnan University (Edition of Humanities and Social Sciences)]. Issue 3, pp. 115–118 (In Chinese).

Информация об авторе

Ян Минтянь

Профессор, доктор Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай, Китайская Народная Республика.
E-mail: shangwaie@163.com; yangfeodor@yandex.ru

Autor's information

Yang Mingtian

Professor, PhD, Shanghai International Studies University, Shanghai, People's Republic of China.
E-mail: shangwaie@163.com; yangfeodor@yandex.ru